

ВВЕДЕНИЕ

Читателю, более или менее знакомому с военной историей эпохи древности, название этой книги может показаться несколько странным и наверняка вызовет вполне закономерный вопрос: «А что, разве у Сасанидов был какой-то военно-морской флот?!»

И в самом деле, согласно широко распространенному (по сути, общепринятому) мнению, древние государства, существовавшие на территории Ирана в постэллинистическую эпоху, т. е. Парфянское царство (II в. до н. э. — III в. н. э.) и Сасанидская держава (III–VII вв. н. э.), обладали лишь сухопутными армиями, состоявшими главным образом из пехоты и конницы (Сасаниды также располагали отрядами боевых слонов). Не будет большим преувеличением сказать, что вплоть до недавнего времени мало кто из историков, включая даже самых маститых ученых, применительно к указанному периоду мог бы с ходу назвать хотя бы одну-две боевые операции, в которых

бы на стороне Ирана принимали участие военные суда.

Однако даже самые общепринятые научные представления имеют свойство со временем терять свою «общепринятость». Как бы банально это ни звучало, но наука, в том числе и историческая, не стоит на месте, и по мере расширения доступного нам круга источников, а также более глубокого знакомства с ними, рано или поздно возникает ситуация, когда прежние взгляды на ту или иную проблему подвергаются уточнению, а иногда и пересмотру.

Все сказанное выше в полной мере относится и к вопросу о военно-морском флоте Сасанидов. На протяжении более чем 200 лет изучения истории сасанидского Ирана исследователи, так или иначе касавшиеся военно-исторической проблематики, обращали внимание исключительно на действия сухопутной армии персов и словно не замечали содержащиеся в письменных источниках сообщения, свидетельствующие о наличии у Сасанидов военно-морского флота. Лишь с недавних пор в научных публикациях время от времени стала высказываться мысль о том, что персы, судя по всему, располагали не только кавалерией, пехотой и элекфантерией, но и военными

кораблями (Nicolle, 1996b, 15; Daryaei, 2003, 16; Agius, 2008, 55; Daryaei, 2009, 46, 135–136; Syväne, 2015b, 98). Неслучайно в одной из своих недавних работ известный финский специалист И. Сивяне справедливо сетует на то, что «современные историки недооценивают военно-морские возможности Персидской империи» (Syväne, 2015b, 98)¹.

Отчасти такая ситуация вполне понятна и легко объяснима. Действительно, все наиболее значительные события военной истории сасанидского Ирана были связаны с действиями сухопутной армии, в то время как добиться каких-либо заметных успехов на море Сасаниды за более чем четырехвековую историю своего правления, несмотря на все прилагавшиеся ими усилия, так и не смогли. Кроме того, Сасанидское государство являлось державой, основные геополитические интересы которой были направлены на установление контроля над внутриконтинентальными территориями, непосредственно примыкающими к Ирану с запада (Северная Месопотамия, Армения) и северо-востока (Бактрия-Тохаристан), что заставляло персов уделять приоритетное внимание развитию прежде всего сухопутных войск. Стоит также отметить, что Сасанидам,

в отличие от их великих предшественников, Ахеменидов, не удалось закрепиться в Восточном Средиземноморье, где располагались крупные портовые города и мощные судостроительные верфи, в связи с чем у персов объективно не было возможности обзавестись собственным флотом, способным противостоять военно-морским силам главного противника сасанидского Ирана на западе — Римской империи. Наконец, определенное влияние на формирование у персов «большой стратегии» с ярко выраженным «континентальным» характером, вероятно, оказали парфянские традиции в области военного дела, сохранявшиеся в сасанидском Иране на протяжении всей его истории и во многом определявшие организационную структуру персидской армии, ее стратегию и тактику.

Все это, безусловно, заставляло Сасанидов делать основную ставку на действия именно сухопутной армии, что, в свою очередь, отразилось и на характере исследований в области сасанидской военной истории, в которой, как было отмечено выше, военно-морской проблематике места фактически не нашлось.

Между тем, как было отмечено выше, исторические источники (прежде всего, письмен-

ные) содержат хотя и скудные, но от того не менее важные сведения о наличии у сасанидского Ирана военно-морского флота. Без учета этой информации наши знания о военной истории Сасанидов не могут считаться полными, а взгляд на общую картину эволюции военного дела персов (да и в целом Древнего Востока) — в определенной мере односторонним. В связи с этим основной целью предлагаемой вниманию читателей работы является всесторонний анализ содержащейся в доступных нам источниках информации о военном флоте сасанидского Ирана, ее интерпретация и на этой основе — характеристика персидских военно-морских сил в хронологическом (событийная история), пространственном (география боевых действий) и собственно военном (тактико-технические характеристики кораблей, их типы, численность и т. д.) измерениях.

Предваряя дальнейшее изложение, необходимо сделать важное терминологическое (а в какой-то мере и методологическое) замечание. Дело в том, что в военно-исторической литературе существуют определенные разногласия относительно наименования военных кораблей эпохи древности², а потому есть смысл уточнить используемые нами понятия.

Под военным (боевым)³ кораблем в данном случае мы понимаем судно любого типа, используемое в военных целях. Примерно в этом же значении термин «военный корабль» используется как в современной военной науке (Чернавин, 1990, 52), так и в действующих международно-правовых документах. В частности, ст. 29 Конвенции ООН по морскому праву (Монтего-Бэй, 1982 г.) гласит: «Военный корабль [англ. warship. — В. Д.] означает судно, принадлежащее к вооруженным силам какого-либо государства, имеющее внешние знаки, отличающие такие суда его национальности, находящееся под командованием офицера, который состоит на службе правительства данного государства и фамилия которого занесена в соответствующий список военнослужащих или эквивалентный ему документ, и имеющее экипаж, подчиненный регулярной военной дисциплине». Из этого следует, что к военным кораблям относятся суда, во-первых, предназначенные не только для участия в морских сражениях (т. е. собственно боевые корабли), но и для перевозки войск либо военных грузов (десантные, транспортные суда и т. д.), а во-вторых, изначально не проектировавшиеся именно как военные корабли, но

ставшие таковыми вследствие их использования в ходе боевых действий (например, торговые суда, осуществляющие транспортировку воинских контингентов).

И еще одно уточнение: использование Сасанидами военных кораблей ни в коем случае не означает, что сасанидский Иран являлся морской державой. Речь идет лишь о том, что в войнах, которые персы вели на протяжении нескольких веков буквально по всему периметру своих границ и которые составляют одну из важнейших страниц истории Сасанидской державы, определенная роль принадлежала и флоту. В конечном счете основой сасанидских вооруженных сил всегда оставались сухопутные подразделения, и именно они, за исключением отдельных (хотя и важных) эпизодов, сыграли ключевую роль в персидской военной истории. Об этом непременно следовало сказать, чтобы у читателя не возникло неверного представления о военном деле сасанидского Ирана в целом.

ГЛАВА 1

САСАНИДСКИЙ ФЛОТ В БОЮ

Первые, хотя и косвенные, сведения об использовании персами военно-морского флота относятся к эпохе правления основателя Сасанидской державы — шаханшаха Ардашира I Папакана (224–241). Уже в ходе борьбы за подчинение Ирана Ардаширу стала ясна опасность, исходившая от Аравии и угрожавшая самому сердцу Персидского государства — Парсу. В «Карнамаге [«Книге деяний». — В. Д.] Ардашира» и «Шахнаме» повествуется о выступлении против Ардашира одного из южноиранских династов по имени Хафтвад⁴, чьи владения располагались где-то на северном побережье Персидского залива (возможно — в Кермане (Justi, 1895, 124)).

Этот Хафтвад, согласно тем же «Карнамагу» и «Шахнаме», поклонялся некоему Червю (среднеперс. *kirm*) (в других интерпретациях — Змею или Дракону), в логово которого он свозил захваченную добычу. В связи с этим война Ардашира с Хафтвадом фигурирует в иранской

эпической традиции, наиболее полно отразившейся в «Шахнаме» (в «Карнамаге» этот сюжет описан гораздо более лаконично) как борьба царя, олицетворяющего силы добра, с Червем, воплощением зла. Неизвестно, какие именно силы стояли за Хафтвадом и кем был он сам. По одной из версий (от себя добавим — весьма экзотической), он являлся могущественным пиратом, исповедовавшим индийский культ Нага (Shahbazi, 2002, 534–536), по другой, более реалистичной, — выступившим против Ардашира представителем местной парфянской знати (Widengren, 1956, 103).

Рис. 1. Ардашир убивает Червя (миниатюра из рукописи «Шахнаме», конец XV в.)

В войне, начавшейся между Ардаширом и Хафтвадом, помощь последнему оказал один из его сыновей (Фирдоуси называет его Шагуем (Шахнаме. 116, 122)), который «пришел, перейдя через море [т. е. через Персидский залив. — В. Д.] с большим войском из арабов и оманцев, и отправился на битву с Ардаширом» (КДА. X, 6). В результате нескольких сражений, не всегда складывавшихся в пользу персов, противник все же был ими разгромлен. Как пишет Табари, в ходе решающей битвы Ардашир лично убил Хафтвада, поразив его мечом (Табари. 817); согласно же Фирдоуси, Хафтвад и его сын были взяты в плен и впоследствии повешены (Шахнаме. 123). После поражения Хафтвада в руки персов попали и несметные сокровища, хранившиеся в святилище Червя (Табари. 817; Шахнаме. 123), а Ардашир стал хозяином всего южного побережья Ирана от Хузистана до Синда.

Война с Хафтвадом, несмотря на ее благополучный исход для персов, показала, что безопасность южных областей Персидского государства будет обеспечена лишь в том случае, если шаханшаху удастся предотвратить новые вторжения в Иран с территории Аравийского полуострова⁵. В связи с этим

Ардашир Папакан, помимо объединения под своей властью собственно Ирана, также должен был решать задачу борьбы с вторжениями в Парс арабов с территории Аравийского полуострова, и источники содержат неоднократные упоминания о боевых действиях Ардашира против арабов⁶.

Очевидно, что не последнюю роль в развертывании сасанидской экспансии в Аравии сыграло и стремление Ардашира превратить Персидский залив в своего рода «внутренне море» Сасанидской державы с целью установления контроля над морской торговлей между Ближним Востоком (включая его римскую часть) с одной стороны и странами бассейна Индийского океана (прежде всего, Индией) — с другой (Howard-Johnston, 2017, 292). Судя по данным, сообщаемым средневековыми мусульманскими авторами (Динавари⁷ (Динавари. 45), Табари⁸ (Табари. 820), Йакут⁹ (Йакут. IV,522) и др.), Ардашир смог не только отомстить местным арабам за поддержку Хафтвада, но и закрепить за собой все восточное (Бахрейн¹⁰) и юго-восточное (Оман) аравийское побережье вплоть до границ Йемена. При этом Табари отмечает, что в Бахрейне Ардаширом был построен город Паса-Ардашир (Табари. 820)¹¹,

а Хамза ал-Исфахани¹² сообщает об основании Ардаширом городов Рев-Ардашир и Батн-Ардашир (Хамза. 33–34), располагавшихся, соответственно, на восточном, иранском, и западном, т. е. аравийском, берегах Персидского залива (Whitehouse, Williamson, 1973, 31–32). Учитывая общую военно-политическую ситуацию в Иране эпохи правления Ардашира I, можно с большой долей уверенности предположить, что это были не только (и даже, вероятно, не столько) портовые города, но и укрепленные военно-морские базы. Рев-Ардашир и Батн-Ардашир держали под контролем прилегающие сухопутные и морские коммуникации, чтобы арабы не могли использовать их для совершения набегов на территорию Парса (Miri, 2012, XII–XVIII; Whitehouse, Williamson, 1973, 32). С предположением о том, что основанные Ардаширом на побережье Персидского залива города имели сугубо торговый характер, как полагает, в частности, Т. Дарьяи (Daryaei, 2003, 6, 16; Daryaei, 2009, 136)¹³, вряд ли можно согласиться. В условиях, когда все силы основателя новой династии были брошены на разгром противников, подчинение территории Ирана и укрепление границ государства, постройка городов, не имевших

военного значения, была бы неуместной расточительностью, а потому представляется маловероятной.

Появление на аравийском побережье опорных пунктов в виде крепостей Паса-Ардашир и Батн-Ардашир неизбежно предполагало установление прямого морского сообщения с их гарнизонами и, следовательно, создание Сасанидами каких-то военно-морских сил (по крайней мере, для транспортировки людей, продовольствия и снаряжения в крепости, расположенные на берегах Персидского залива).

Более подробный характер носят сведения источников о действиях персидского флота в IV в., в период правления шаханшаха Шапура II (309–379). Очень характерно, что, как и в случае с Ардаширом Папаканом, активизация «морской программы» Сасанидов была связана с арабами, вновь угрожавшими Парсу. Согласно Табари, за годы малолетства Шапура, родившегося в 309 г., арабы настолько осмелели, что уже «считали Парс своим пастбищем» (Табари. 838). Решение о вторжении в Аравию было принято царем после того, как ему исполнилось 16 лет (Табари. 838), из чего следует, что начало аравийских кампаний Шапура II нужно отнести к 325 г. Юный шаханшах

жестоко покарал потерявших чувство меры соседей: сначала он стремительным ударом выбил арабов из Парса, а затем во главе отборного войска, состоявшего из тысячи «самых сильных и мужественных воинов», пересек Персидский залив и высадился на побережье Аравийского полуострова.

Вот как описывает действия персов в Аравии Табари:

«Не отвлекаясь на грабеж, он [Шapur II. — *В. Д.*] прошел через аль-Бахрейн, убивая его жителей, которым было отказано даже в праве выкупить свою жизнь. Он пошел дальше и достиг Хаджара¹⁴, где проживали бедуины племен Тамим, Бакр бен-Ва'ил и Абд аль-Кайс. Он устроил всеобщее избиение среди них и пролил так много крови, что она текла, словно потоки воды во время сильного ливня. Те же, кто пытался бежать, не могли найти убежища ни в горных пещерах, ни на морских островах... Он двинулся к аль-Йамаме¹⁵, где также устроил резню. Он засыпал землей все источники и водохранилища, откуда местные арабы брали воду. Затем он подступил к Медине, где перебил или взял в плен всех арабов, которые попадались ему на пути.

После этого он вторгся в земли племен Бакр и Таглиб, проживавших между Парсом и пограничными крепостями римлян, расположенными в Сирии. Он убил арабов, которых смог там найти, взял пленников и засыпал колодцы» (Табари. 839).

Из приведенного отрывка можно сделать два вывода: во-первых, в данном случае мы можем совершенно точно констатировать использование персами кораблей для переброски войск в Аравию через Персидский залив (это является дополнительным, хотя и косвенным, подтверждением того, что так же в свое время мог действовать и Ардашир I); во-вторых, обследовать прибрежные острова в поисках бежавших туда арабов персы могли, опять же, только с помощью флота.

Судя по всему, Шапуру удалось усмирить арабов и установить свой контроль над побережьем и акваторией Персидского залива. Это, в свою очередь, оказало благотворное влияние на развитие здесь морской торговли и судоходства, на что прямо указывает позднеантичный римский писатель-историк Аммиан Марцеллин (ок. 330 — ок. 400), являвшийся современником Шапура. Аммиан, в частности,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru